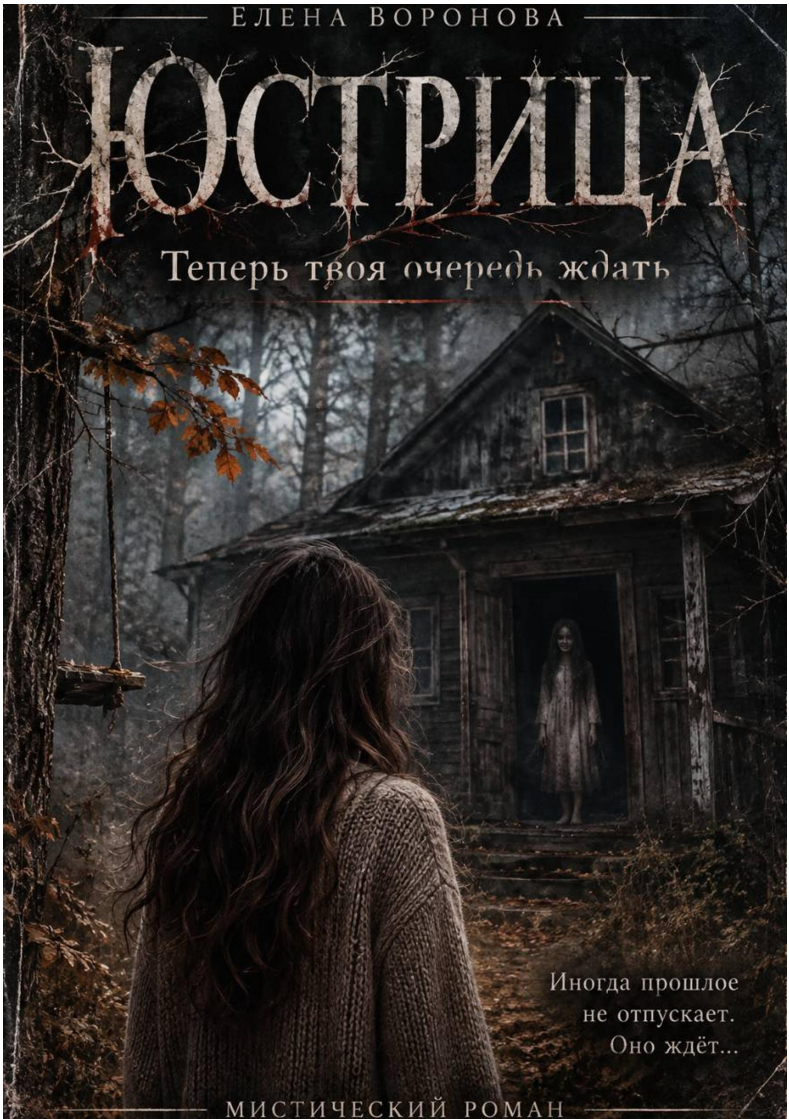

ЕЛЕНА ВОРОНОВА
ЮСТРИЦА
Теперь твоя очередь ждать
Иногда прошлое
не отпускает.
Оно ждёт...
МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Миссис Кто
Там, где ждёт Юстрица

https://litres.ru/74731494
SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти бабушки Елена Воронова возвращается в старый дом на заброшенном хуторе, затерянном среди бескрайних лесов.

Она рассчитывает провести там несколько тихих дней, разобрать оставшиеся вещи и наконец попрощаться с прошлым. Но уже в первую ночь слышит странный стук.

С этого момента привычный мир Елены начинает рушиться. В лесу появляется девочка в грязном белом платье. За дверью звучат голоса давно умерших людей. Старые семейные фотографии скрывают пугающие тайны, а бабушкин дневник хранит правила, которые нельзя нарушать.

Местные жители называют её Юстрицей.

Говорят, она приходит осенью, когда лес засыпает. Она не ломится в дом и не преследует своих жертв открыто. Ей достаточно дождаться, когда человек останется один, услышит знакомый голос и сам захочет открыть дверь.

Елена не верит в старые легенды. Но чем глубже она погружается в историю своей семьи, тем яснее понимает: бабушка всю жизнь пыталась защитить её от чего-то, что однажды уже встретилось ей в детстве.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 25
Глава 3 44
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Миссис Кто
Там, где ждёт Юстрица

Глава 1

3 октября

Я никогда не верила в мистику.

По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Сейчас я сижу за старым бабушкиным столом и записываю всё, что произошло со мной за последние несколько часов. Пишу торопливо, иногда пропуская слова и не замечая, как дрожит рука. Мне необходимо зафиксировать каждую подробность, пока память ещё принадлежит мне. Пока я всё помню. Пока могу отличить то, что действительно видела, от того, что мой разум, возможно, уже начал додумывать.

Я боюсь не столько того, что произошло, сколько того, что случится потом. Когда страх немного утихнет, сознание наверняка попытается защитить меня: сгладит воспоминания, найдёт разумное объяснение, превратит невозможное в нелепую случайность. Я знаю, как это работает. Всю жизнь я искала логику там, где другие предпочитали верить в чудеса.

Но теперь мне необходимо сохранить правду. Даже если впоследствии я сама откажусь в неё верить.

Меня зовут Елена Воронова. Мне двадцать семь лет, я

работаю ведущим редактором в небольшом столичном издательстве и до недавнего времени считала себя человеком вполне рациональным. Я привыкла разбирать чужие тексты на составляющие, находить сюжетные нестыковки, замечать неубедительные детали и объяснять, почему даже самый невероятный вымысел не выдерживает столкновения с реальностью.

Как выяснилось, я слишком многое о ней воображала.

Три месяца назад умерла моя бабушка. После её смерти остался старый дом в глухой деревне, где выросла моя мать. Нужно было разобрать вещи, найти документы, решить, что делать с наследством. Ничего сложного – обычные хлопоты, которые неизбежно ложатся на плечи родственников после похорон.

Мама отказалась ехать туда наотрез.

Я до сих пор помню, как она собирала мне еду в дорогу. Слишком быстро, нервно, будто старалась занять руки, чтобы не думать о предстоящем разговоре. Когда я спросила, какие документы нужно искать в первую очередь, она ответила сухо, почти раздражённо:

— Разбери вещи, найди бумаги на дом и реши, что с ним делать. Только ничего не выбрасывай, пока не проверишь.

— А почему ты сама не хочешь поехать? — удивилась я. — Это же твой родной дом. Ты там выросла.

Мама замерла с термосом в руках.

За окном медленно темнело. В стекле отражалась наша

кухня, и на мгновение мне показалось, что мама смотрит не на меня, а на кого-то, стоящего у меня за спиной. Я обернулась, но там, разумеется, никого не было.

Она долго молчала, глядя куда-то мимо меня.

— Потому что некоторые места, Лена, лучше не посещать дважды.

Её голос прозвучал так тихо и надломленно, что я невольно улыбнулась. Не насмешливо – скорее растерянно. Я решила, что мама слишком тяжёло переживает смерть бабушки. Возможно, возвращение в родные места поднимало болезненные воспоминания. В конце концов, у каждого из нас есть прошлое, к которому не хочется возвращаться.

Тогда мне казалось, что я понимаю её.

Теперь я в этом не уверена.

Дом стоял на самом краю деревни.

За последние двадцать лет здесь почти ничего не изменилось, если не считать того, что время окончательно добило всё, что люди когда-то пытались поддерживать в порядке. Покосившиеся заборы, заросшие огороды, пустые окна соседних домов. На обочинах разрослась крапива, а тропинки между участками исчезли под пожухлой травой. Несколько строений выглядели заброшенными настолько давно, что я не удивилась бы, обнаружив внутри проросшие сквозь пол деревья.

Бабушкин дом был последним перед лесом.

Одноэтажный сруб потемнел от сырости. Между брёвна-

ми местами зияли узкие щели, обшивка потрескалась, а крыша, покрытая толстым слоем мха, тяжёло нависала над стенами. Казалось, дом сутулился под собственной тяжестью, пытаясь спрятать лицо от холодного октябрьского неба.

Окна были почти чёрными.

Не просто тёмными из-за отсутствия света – именно чёрными, словно за мутными стёклами не существовало комнат, мебели и стен. Я несколько раз пыталась разглядеть хоть что-нибудь внутри, но всякий раз видела только собственное отражение.

И каждый раз мне казалось, что оно движется с едва заметным опозданием.

Я списала это на усталость после дороги.

Так проще.

За гнилым забором начинался лес. Он подступал к участку настолько близко, что несколько толстых ветвей нависали над крышей, цепляясь за неё во время ветра. Деревья стояли плотно, заслоняя друг друга, а их тёмные стволы терялись в глубине подлеска. Даже днём там, должно быть, царил полумрак.

Сегодня лес казался совершенно неподвижным.

Ни шелеста листвы, ни скрипа веток, ни птичьего крика. Только холодный ветер временами касался моего лица, словно проверяя, действительно ли я решилась сюда приехать.

Я остановилась перед калиткой.

И вдруг поняла, что боюсь войти.

Это было нелепо. Я стояла перед старым деревянным домом, в котором провела немало детских каникул. Я знала, где находится кухня, где бабушка хранила варенье и на какой половице в коридоре нужно было наступать осторожнее, чтобы не разбудить её по утрам. Здесь не было ничего незнакомого.

И всё же я не могла заставить себя протянуть руку к калитке.

Наверное, потому, что помнила этот лес.

Мне было шесть лет, когда я потерялась в нём.

Взрослые потом рассказывали, что случилось это глубокой осенью. Меня искали почти сутки. Прочёсывали лес, звали по имени, обращались за помощью к местным жителям. Подробностей я почти не помнила, а те немногие обрывки воспоминаний, которые иногда всплывали в сознании, были похожи на чужие сны.

Белое платье, испачканное землёй и травой.

Холодные босые ноги.

И девочка, стоявшая между деревьями.

Я не помнила её лица. Иногда мне казалось, что его вообще не было – только бледное пятно под спутанными волосами. В другие дни я была уверена, что видела глаза. Большие, тёмные, неподвижные.

Но самое странное заключалось в другом.

В моих воспоминаниях девочка всегда стояла спиной к лесу и смотрела прямо на меня. И сколько бы я ни пыталась

представить её лицо, мне никак не удавалось вспомнить, какой она была.

После того случая бабушка несколько дней не выпускала меня из дома. Даже на веранду. Она запирала дверь, задвигала шторы и вздрагивала каждый раз, когда за окном трещала ветка.

На четвёртый или пятый день, когда она наконец разрешила мне выйти во двор, бабушка схватила меня за плечи.

Так крепко, что мне стало больно.

— Если когда-нибудь снова увидишь её у забора, — сказала она, глядя мне прямо в глаза, — не подходи. Слышишь меня, Лена? Не подходи и не разговаривай с ней. Даже не смотри в ту сторону.

Я испугалась её сильнее, чем самой истории о пропавшем дне.

— С кем, бабушка?

Её пальцы сжались ещё крепче.

— Ни с кем. Там никого нет.

Она отпустила меня и отвернулась, словно сама испугалась собственных слов.

Впоследствии я убедила себя, что память сыграла со мной злую шутку. Детское воображение способно превращать обычные события в страшные истории, а взрослые порой говорят такое, что ребёнок запоминает не смысл, а собственный страх.

Я почти двадцать лет не вспоминала об этом всерьёз.

Но теперь стояла перед тем же лесом и чувствовала, как давно забытый ужас медленно поднимается из глубины памяти.

Он не исчезал. Просто ждал.

Я толкнула калитку.

Петли отозвались протяжным скрипом. Звук показался непривычно громким и быстро растворился среди деревьев. Я невольно обернулась, ожидая увидеть в глубине леса какое-нибудь движение.

Ничего.

Только стволы, переплетённые ветви и темнота между ними.

Я заставила себя пройти к крыльцу.

Ключ с трудом повернулся в замке. Дверь поддалась лишь после того, как я навалилась на неё плечом. Петли застонали, и из открывшегося проёма потянуло холодом.

Я замерла на пороге.

Запах был знакомым: сушёные травы, старая древесина, олифа и сырость. Но под ним скрывалось что-то ещё – слабый, едва уловимый аромат, который я не могла определить. Не гниение и не плесень. Скорее запах мокрой земли, долго пролежавшей под снегом.

Я перешагнула порог.

Половицы жалобно скрипнули под ногами. Где-то в глубине дома отозвался глухой стук, будто под полом упало что-то тяжёлое.

Я резко обернулась.

— Мыши, — произнесла я вслух.

Собственный голос прозвучал непривычно громко.

Я повторила это слово про себя, словно оно могло что-то исправить, и потянулась к выключателю. Щелчок раздался в темноте, но лампочка не загорелась.

Конечно.

Электричество в деревне отключили ещё летом. Мама предупреждала меня об этом, однако я всё равно надеялась, что смогу включить хотя бы свет в одной комнате.

Пришлось воспользоваться фонариком телефона.

Узкий луч прорезал полумрак коридора. Я медленно двинулась вперёд, заглядывая в комнаты.

На кухне всё выглядело так, словно бабушка вышла всего на минуту.

На столе стояла фаянсовая чашка с засохшим чайным налётом. Рядом лежала сложенная вчетверо салфетка, а на подоконнике темнел глиняный горшок с высохшим растением. На старом буфете висели связки трав, почти рассыпавшихся от времени.

И тикали часы.

Я остановилась.

На стене над буфетом висели старые ходики с резной деревянной кукушкой. Маятник медленно раскачивался, отсчитывая секунды с безупречной точностью.

Тик-так.

Тик-так.

Я подошла ближе и посветила на циферблат., часы шли.

Я проверила время на телефоне.

Половина шестого, часы показывали без пяти минут шесть.

В гостиной вся мебель была накрыта выцветшими простынями. Под тканью угадывались очертания дивана, кресел и небольшого журнального столика. В полумраке они напоминали человеческие фигуры, неподвижно сидящие вдоль стен.

Я старалась не задерживать на них взгляд.

На стенах висели фотографии. Старые, чёрно-белые, в потемневших деревянных рамках. Я знала некоторые лица: бабушка в молодости, дедушка, которого я почти не помнила, мама с двумя косичками. Остальные родственники были мне незнакомы.

Я направила на них фонарик.

Лица на снимках казались неприветливыми. Или это просто тени падали неудачно. В любом случае смотреть на них долго не хотелось.

Особенно на одну фотографию.

На ней стояли три женщины перед крыльцом. Бабушка была совсем молодой, рядом с ней находилась незнакомка в длинном светлом платье, а чуть поодаль – девочка с распущенными волосами.

Я поднесла телефон ближе.

Девочка стояла спиной к объективу.

Снимок был старым, края фотографии пожелтели, а изображение местами расплылось. Возможно, она просто отвернулась в момент съёмки.

Я уже собиралась идти дальше, когда заметила кое-что ещё.

На фоне заборчика, прямо за спиной девочки, темнела узкая полоска леса.

Между двумя стволами стоял кто-то высокий и неподвижный.

Разглядеть лицо было невозможно.

Я нахмурилась, наклонилась к фотографии, но тут свет фонарика мигнул. На секунду изображение исчезло, и мне пришлось отвести телефон, чтобы фонарик снова заработал.

Когда я вернула луч на стену, мне уже не хотелось рассматривать снимок.

Я убедила себя, что разберусь с фотографиями позже.

Сейчас нужно было найти документы и закончить с вещами.

Дверь в бабушкину спальню оказалась закрыта на защёлку. Я взялась за круглую латунную ручку и тут же отдёрнула руку.

Металл был ледяным.

Не просто холодным, как бывает с предметами в неотапливаемом доме, а настолько промёрзшим, что пальцы на мгновение заболели.

Я потёрла ладонь о свитер и прислушалась.

Тишина.

Ни шагов, ни шорохов. Даже часы на кухне словно перестали тикать.

Я стояла перед дверью и чувствовала себя глупо. В доме не было никого, кроме меня. Я приехала сюда днём, чтобы выполнить простое поручение, и не собиралась позволять старым воспоминаниям превратить обычную поездку в дешёвый фильм ужасов.

Я повернула ручку и дверь открылась.

В спальне оказалось темнее, чем в остальных комнатах. Плотные занавески были задёрнуты, а тяжёлый воздух словно впитал в себя запах лекарственных трав и старой бумаги.

Я первым делом нашла на столике масляную лампу.

Коробок спичек лежал в ящике рядом. Я чиркнула спичкой, поднесла её к фитилю и дождалась, пока тот загорится. В комнате появился тёплый, дрожащий свет.

Он не столько разогнал темноту, сколько обозначил её границы.

По углам остались густые тени. Они лежали неподвижно, и всё же мне казалось, что стоило отвернуться, как они начинали медленно расползаться по стенам.

Я выключила фонарик телефона, чтобы сэкономить заряд, и подошла к платяному шкафу.

Дубовые створки поддались не сразу. Когда я наконец распахнула их, наружу вырвался резкий запах нафталина и су-

шёной лаванды.

Внутри висела одежда.

Я перебирала её, откладывая в сторону вещи, которые можно было отдать, и те, что следовало выбросить. Бабушкина шерстяная шаль, тёплая и колючая. Строгое тёмное платье, в котором она ходила в церковь. Старый кардиган с деревянными пуговицами.

Я поймала себя на том, что помню каждую из этих вещей.

Вот шаль, в которую бабушка укутывала меня зимой. Вот кардиган, от которого всегда пахло ромашковым чаем. Вот платье, в котором она стояла у окна в тот день, когда я уезжала после летних каникул.

Память возвращалась кусками, и от этого становилось только хуже.

Я никогда не считала себя особенно близкой с бабушкой. В детстве она казалась мне суровой, иногда даже пугающей. Она не любила лишних вопросов, редко объясняла свои поступки и могла часами молчать, если считала разговор бессмысленным.

Но теперь, перебирая её вещи, я чувствовала себя так, словно снова потеряла кого-то, кого не успела по-настоящему узнать.

На самом дне шкафа, под стопкой старых отрезов ткани, обнаружилась картонная коробка.

Я вытащила её и поставила на кровать.

Внутри лежали письма, перевязанные выцветшей бечёв-

кой, несколько школьных тетрадей и толстая книга в потрёпанном кожаном переплёте.

Дневник.

Я узнала его сразу. В детстве несколько раз видела, как бабушка писала в этой книге, но стоило мне спросить, что именно она записывает, как она захлопывала обложку и убирала дневник подальше.

Тогда я решила, что это её личные секреты.

Теперь тетрадь лежала у меня на коленях, и я впервые могла узнать, что она скрывала.

Я осторожно раскрыла обложку.

На первой странице знакомым мелким почерком было написано:

«Если ты читаешь это, значит, меня больше нет».

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Ниже, после небольшого промежутка, шла следующая строка. Почерк оставался тем же, но буквы были неровными, словно рука, державшая ручку, дрожала от усталости или страха.

«Леночка, прежде чем продолжишь читать, запомни три вещи».

Я замерла.

Бабушка обращалась ко мне. Не к неизвестному читателю, не к кому-то из родственников. Ко мне.

Я перевернула страницу. Под пожелтевшим краем бумаги располагались три коротких правила. Каждое было подчёрк-

нуто одной резкой линией.

1. *Не открывай дверь после трёх ударов.*

2. *Не отвечай, если услышишь своё имя.*

3. *Никогда не произноси её имя после заката.*

Я перечитала записи ещё раз.

Потом ещё.

Сначала мне захотелось рассмеяться. Затем – закрыть тетрадь и немедленно позвонить маме. Но обе реакции казались одинаково нелепыми. Что я должна была ей сказать? Что нашла в бабушкином дневнике инструкции по выживанию в доме, где, судя по всему, обитает нечто сверхъестественное?

Я работала с вымышленными историями достаточно долго, чтобы распознать очевидную завязку.

Три запрета. Неизвестное существо. Предупреждение, которое герой обязательно нарушит.

Слишком знакомо.

Я перевернула следующую страницу.

Она была почти чистой.

Посередине, крупными буквами, словно автор хотел не просто написать слово, а вдавить его в саму бумагу, стояло одно-единственное имя.

Юстрица.

Я невольно провела пальцем по буквам.

Чернила были густыми, почти чёрными. В некоторых местах бумага оказалась продавлена так сильно, что подушечки пальцев ощущали бороздки.

Я не знала такого слова.

Ни в одном словаре, ни в одной книге, которую я редактировала, оно мне не встречалось. Может быть, это местное название какого-нибудь духа? Деревенская легенда, о которой бабушка узнала ещё в детстве?

Я уже собиралась перевернуть страницу, когда пламя лампы резко дрогнуло.

Огонёк вытянулся в тонкую полоску, несколько раз мигнул и уменьшился, оставив после себя слабое синеватое свечение у основания фитиля.

Я почувствовала холод.

Он возник внезапно, словно кто-то распахнул окно в зимнюю ночь. По коже пробежали мурашки, а дыхание на мгновение застряло в горле.

Занавески оставались неподвижными.

Дверь была закрыта.

Я медленно подняла голову.

Тени в углах комнаты казались длиннее, чем прежде.

— Сквозняк, — прошептала я.

Голос прозвучал неубедительно даже для меня самой.

Я захлопнула дневник и отложила его на столик. Нужно было закончить разбор вещей и уехать до наступления темноты. В городе я посмеюсь над собственной впечатлительностью, закажу ужин и забуду об этом доме до следующего визита нотариуса.

Я сделала шаг к шкафу.

И тогда услышала стук.

Тук.

Я замерла.

Звук был негромким, сухим, словно костяшка пальца коснулась деревянной поверхности.

Я медленно обернулась, но в комнате ничего не изменилось.

Тук.

Второй удар.

На этот раз я точно знала, откуда он донёсся. Из тёмного угла, где на стене висел небольшой деревянный шкафчик.

Я посмотрела на него, пытаясь придумать хоть какое-нибудь разумное объяснение. Старые трубы? Мышь? Расшатавшаяся полка? Впрочем, шкафчик был слишком далеко от окна, а в доме не было ни отопления, ни работающего водопровода.

Тук.

Третий удар.

Я перестала дышать. Воздух в комнате будто мгновенно стал холоднее. Я увидела собственное дыхание – крошечное белёсое облачко, растворившееся перед лицом.

Три удара.

Три.

Я посмотрела на дневник.

Не открывай дверь после трёх ударов.

В голове вспыхнула мысль, от которой по спине пробежал

ледяной холод.

Но ведь это не дверь. Это всего лишь шкафчик. Обычный старый шкафчик, в котором бабушка хранила полотенца и банки с вареньем. Я знала это. Наверняка знала.

Я заставила себя сделать шаг вперёд. Потом ещё один.

Лампа осталась за спиной, и моя тень вытянулась по полу, распласталась по стене и накрыла шкафчик целиком. На мгновение мне показалось, что у тени слишком длинные руки.

Я моргнула.

Обычная игра света.

Подойдя ближе, я взялась за круглую ручку.

Пальцы дрожали.

Я почти отпустила её, но раздражение оказалось сильнее страха. Мне хотелось немедленно доказать самой себе, что я не маленькая девочка, которую можно напугать несколькими ударами из-за старой стены.

Я резко распахнула дверцу.

Внутри стояли банки с вишнёвым вареньем. Рядом лежали аккуратные стопки махровых полотенец. На верхней полке обнаружилась жестяная коробка с пуговицами.

Ничего необычного.

Никаких мышей. Никаких упавших предметов. Никаких объяснений странному стуку.

Я шумно выдохнула.

— Господи, Лена. Ты серьёзно?

Улыбка, которую я попыталась изобразить, вышла жалкой.

Я уже собиралась закрыть шкафчик, когда заметила пыль.

Толстый серый слой покрывал полки, банки и полотенца. Пыль лежала нетронутой, словно сюда не заглядывали годами. На ней не было ни следов, ни отпечатков пальцев, ни малейших признаков того, что кто-то недавно открывал дверцу.

Но сами банки двигались.

Совсем немного.

Стекло мелко дрожало, а крышки едва заметно вибрировали, издавая тонкий, почти неслышимый звон. Я смотрела на них, не в силах понять, что именно вижу.

Звук исходил из-за задней стенки шкафчика.

Из пространства между деревом и стеной дома. Кто-то стучал с другой стороны.

Не по дверце. Не по полкам. Изнутри стены.

Я отступила, зацепившись пяткой за край половика, и едва не упала.

Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался болью под рёбрами.

Я хотела закрыть шкафчик, но тут заметила ещё одну деталь. На самой дальней полке, за банками, лежал кусочек ткани. Тонкий, почти прозрачный, с узким кружевным краем. Он выделялся на фоне серой пыли своей белизной.

Я наклонилась, пытаясь разглядеть его. Ткань казалась со-

вершенно чистой, словно её положили сюда всего несколько минут назад. Я не помнила, чтобы бабушка хранила в этом шкафчике что-то подобное.

Осторожно протянула руку.

И остановилась. Из-за задней стенки донёсся новый стук. На этот раз их было пять.

Тук-тук-тук-тук-тук.

Быстро. Неровно. Торопливо.

Будто кто-то пытался привлечь моё внимание. Или предупредить меня.

Я медленно убрала руку. Стук повторился. Пять ударов. Пауза. Ещё пять.

Мне захотелось выбежать из комнаты, захлопнуть входную дверь и бежать по дороге до тех пор, пока дом не исчезнет из виду. Но я не могла пошевелиться. Мой взгляд был прикован к задней стенке шкафчика.

Там не должно было быть никакого пространства.

С другой стороны находилась наружная стена дома – толстые брёвна, которые я видела с улицы. Между ними и шкафчиком могло остаться несколько сантиметров пустоты, не больше.

Этого было недостаточно даже для мыши. В памяти отчётливо прозвучал бабушкин голос:

«Не открывай дверь после трёх ударов».

Я захлопнула дверцу.

Резкий грохот прокатился по комнате. Масляная лам-

па дрогнула, стекло звякнуло, а из глубины шкафа донёсся звук, похожий на короткий, приглушённый смешок.

Я отшатнулась.

Нет.

Нет, этого не было.

Я ничего не слышала.

Я просто испугалась и приняла скрип дерева за чей-то голос. Старые дома полны звуков. Они трещат, оседают, отзываются на перепады температуры. В этом нет ничего сверхъестественного.

Я повторяла эти объяснения про себя, но с каждым разом они звучали всё менее убедительно.

Схватив дневник со стола, я прижала его к груди и направилась к двери спальни.

Мне нужно было уйти.

Немедленно.

Я уже почти добралась до коридора, когда краем глаза заметила движение в углу.

Тень.

Она шевельнулась за моей спиной.

Не дрогнула от пламени лампы. Не вытянулась вслед за моим движением.

Она словно отделилась от стены и сделала шаг вперёд.

Я застыла, не решаясь обернуться. Несколько секунд ничего не происходило. Потом за спиной тихо скрипнула половица. Так, словно кто-то только что перенёс на неё свой вес.

Я рванула к двери.

И выбежала в коридор, даже не оглянувшись. Только там, прижавшись спиной к холодной стене, я позволила себе вдохнуть.

Глава 2

4 октября
03:12

Стук раздался снова.

Я знаю точное время, потому что всё это время не выпускала телефон из рук. Экран был единственным источником света, которому я ещё доверяла, хотя к утру даже его холодное свечение стало казаться мне враждебным.

На этот раз стучали не в шкаф.

Звук донёсся снаружи – со стороны леса, – а затем раздался прямо у окна спальни.

Я лежала под тяжёлым ватным одеялом, свернувшись в комок и вцепившись пальцами в край матраса. Смотреть на окно я не решалась. Вместо этого уставилась в потолок, где дрожали блеклые тени от почти догоревшей масляной лампы.

Мне казалось, что стоит пошевелиться, сделать слишком глубокий вдох или случайно скрипнуть кроватью, как тот, кто находился снаружи, сразу поймёт: я не сплю.

И тогда он войдёт.

Я не знала, почему была уверена именно в этом. Никто не пытался открыть дверь. Никто не дёргал ручку. Но страх подсказывал мне, что всё происходящее – лишь проверка. Кто-то терпеливо выяснял, насколько крепко заперты двери,

насколько тонки стёкла и как долго я смогу оставаться в тишине.

Первый удар. Сразу же последовал второй.

Я считала их про себя, боясь даже беззвучно шевелить губами.

Всего раздалось семь ударов. Последний оказался длиннее остальных и закончился протяжным скрежетом. Что-то медленно провело по стеклу сверху вниз, словно проверяя его остриём длинного когтя.

Я зажмурилась. Скрежет повторился, но на этот раз медленнее. Затем наступила тишина.

Не та обычная ночная тишина, к которой привыкаешь в загородном доме. Эта была другой – плотной, давящей, словно весь мир за пределами спальни перестал существовать.

Я слышала только собственный пульс. И почему-то была уверена, что за окном кто-то стоит. Не уходит. Не прячется между деревьями. Просто ждёт.

Я не знаю, сколько пролежала неподвижно. Время потеряло смысл. Каждая минута растягивалась до бесконечности, а каждый случайный звук заставлял меня вздрагивать. Несколько раз мне казалось, что кто-то тихо ходит по комнате, но я не решалась открыть глаза.

Под утро я всё-таки провалилась в короткий, беспокойный сон.

Мне снилось белое платье.

Девочка стояла на опушке леса, повернувшись ко мне

спиной. Ветер шевелил подол её платья, хотя деревья вокруг оставались неподвижными.

— Лена, — позвала она.

Я узнала голос. Это был мой собственный голос. Девочка медленно повернула голову.

Но я проснулась раньше, чем увидела её лицо.

Открыв глаза, я долгое время смотрела в потолок, пытаясь осознать сон. Но мысли путались, из-за чего я бросила это дело. Ноги затекли, спина болела, а голова была тяжёлой. Я села, прижимая одеяло к груди, и долго смотрела на окно.

Плотная штора скрывала стекло.

Мне нужно было проверить, что произошло ночью. Я понимала это и одновременно боялась даже представить, что могу там обнаружить.

В конце концов любопытство оказалось сильнее.

Поднявшись и подошла к окну. Пальцы легли на край занавески. Я на мгновение закрыла глаза, глубоко вдохнула и резко отдёрнула ткань.

На стекле остался отпечаток ладони.

Он находился с внешней стороны, примерно на уровне моего лица. Влажный след выделялся на тонком слое утренней изморози, будто кто-то только что прижал руку к холодному стеклу.

Я перестала дышать.

Первой мыслью было самое простое объяснение: кто-то из соседей заходил во двор. Может быть, хотел проверить дом

после смерти бабушки. Возможно, я не слышала шагов из-за усталости.

Но зачем оставлять отпечаток на окне спальни?

Я приблизилась к стеклу.

След был слишком чётким. Виднелись ладонь, линии на коже и длинные пальцы, слегка согнутые, словно рука пыталась ухватиться за невидимый край.

Я отшатнулась. У человеческой руки пять пальцев. Я знала это так же хорошо, как знала собственное имя. И всё же пересчитала их снова, надеясь, что сонная голова подвела меня.

Шесть.

Один из пальцев был тоньше остальных и тянулся почти до края ладони. Он располагался между безымянным и мизинцем, словно всегда был частью этой руки.

Мне стало дурно.

Я бросилась к кровати, схватила телефон и вернулась к окну. Если я сфотографирую отпечаток, то хотя бы получу доказательство. Что бы это ни было, камера должна зафиксировать его так же, как любой другой предмет.

Я навела объектив на стекло. Сделала снимок и тут же открыла фотографию.

Окно было совершенно чистым. Ни ладони, ни влажных следов, ни даже пятна на изморози. Только бледные силуэты берёз за стеклом и серое утреннее небо.

Я резко подняла голову. Отпечаток исчез. Не растёкся, не

высох, не размазался. Его просто больше не было.

Я провела пальцами по стеклу изнутри. Оно оказалось ледяным. На мгновение мне показалось, что холод проникает сквозь кожу и медленно поднимается к запястью.

Я отдёрнула руку.

— Это невозможно, — прошептала я.

Слова прозвучали жалко.

Я снова посмотрела на фотографию, увеличила изображение, проверила каждый угол. Ничего.

Мне хотелось позвонить маме. Рассказать обо всём, потребовать объяснений, заставить её признаться, что она знает о происходящем больше, чем говорит.

Но я не нажала кнопку вызова.

Что именно я собиралась ей сообщить? Что ночью кто-то семь раз постучал в окно? Что на стекле появилась ладонь с шестью пальцами, которую не смогла зафиксировать камера?

Она решила бы, что я не спала всю ночь и теперь вижу то, чего нет. Возможно, она была бы права.

Я попыталась убедить себя, что всё объясняется усталостью, запахами старого дома и детскими воспоминаниями, которые внезапно вернулись с пугающей ясностью.

Мозг способен на многое, когда лишён сна. Я знала это. Я хотела в это верить.

Поэтому отправилась на кухню и принялась разбирать посуду.

Я гремела кастрюлями, переставляла тарелки, открывала и закрывала ящики. Любое занятие, требовавшее внимания, было лучше, чем возможность остаться наедине с собственными мыслями.

К полудню я разобрала две полки, но так и не смогла заставить себя съесть хотя бы кусок хлеба.

В доме было слишком тихо.

Часы на кухне продолжали идти, однако теперь я ловила себя на том, что каждый раз прислушиваюсь к их тиканью, ожидая, когда привычный ритм нарушит что-нибудь постороннее.

Я больше не могла находиться здесь одна.

Именно поэтому около полудня я решила навестить Веру Петровну – старую соседку, которая знала бабушку больше сорока лет.

Мама рассказывала, что они дружили с молодости. Если кто-то и мог объяснить мне странности этого дома, то, возможно, именно она.

По крайней мере, мне хотелось так думать.

Дом Веры Петровны находился чуть в стороне от главной деревенской улицы. К нему вела узкая тропинка, почти полностью скрытая под разросшимся спорышом. По обе стороны высились заросли сирени и старого малинника, давно превратившиеся в непроходимую колючую стену.

Забор покосился, а некоторые доски настолько вросли в землю, что казалось, будто они проросли там вместе с тра-

вой. В дальнем углу участка стоял старый колодец.

Я заметила его ещё с калитки. Почерневшие брёвна, прогнивший навес, тяжёлая крышка, перекошенная набок. Над колодцем не было ни ведра, ни верёвки, а сама конструкция выглядела настолько заброшенной, что я удивилась, почему её до сих пор не разобрали.

Когда я проходила мимо, оттуда потянуло сыростью.

Запах напоминал тот, что встретил меня в бабушкином доме, когда я впервые переступила порог. Мокрая земля, холодный камень и что-то ещё – затхлое, почти сладковатое.

Мне показалось, что со дна колодца донёсся тихий звук. Будто кто-то провёл ногтем по дереву.

Я ускорила шаг.

Крыльцо Веры Петровны громко заскрипело под моими ногами. Я постучала в дверь и почти сразу услышала шаркающие шаги.

— Кто там?

— Это Елена. Внучка Марии Ивановны.

За дверью повисла короткая пауза.

Затем щёлкнул замок.

Вера Петровна встретила меня с такой радостью, словно ждала моего появления весь день. Она всплеснула руками, прижала ладонь к груди и несколько раз повторила, как сильно я выросла.

— Господи, Леночка! А я ведь тебя помню совсем маленькой. С двумя косичками ходила, всё за бабушкой хвостиком.

А теперь вон какая красавица! Вся в мать пошла.

Она обняла меня, и я почувствовала запах сушёной мяты и какого-то горького лекарства.

На первый взгляд Вера Петровна была обычной пожилой женщиной. Невысокая, сухонькая, с седыми волосами, собранными в тугой пучок, и глубокими морщинками вокруг глаз. Только взгляд казался необычным: внимательным, цепким, словно она привыкла замечать даже те мелочи, на которые другие не обращали внимания.

Она усадила меня за стол, поставила чайник и достала старые фарфоровые чашки.

В доме царил полумрак. Низкие потолки, потемневшие брёвна, тяжёлый буфет, массивный комод у стены. На подоконниках стояли горшки с засохшими растениями, а под потолком висели связки трав.

Пахло печной гарью, старыми книгами и лекарствами. Но сильнее всего ощущалась сырость.

— Как же жалко Машеньку, — вздохнула Вера Петровна, разливая чай. — Всё думала, ещё повидаемся. Столько лет знакомы, а потом раз – и человека нет. Так быстро всё случилось.

Она говорила долго, вспоминая бабушку, их молодость и старые деревенские истории. Я слушала, изредка отвечая на вопросы, но мыслями оставалась в своём доме.

Перед глазами всё ещё стоял отпечаток шестипалой руки. А в кармане куртки лежал дневник.

Я принесла его с собой, хотя сама не могла объяснить зачем. Возможно, хотела показать Вере Петровне записи. Возможно, надеялась, что она посмеётся над ними и окончательно убедит меня в том, что я просто переутомилась.

Но с каждой минутой мне становилось всё труднее решиться на разговор.

Наконец я не выдержала.

— Вера Петровна, можно вас кое о чём спросить?

— Конечно, Леночка. О чём же?

Я нащупала в кармане потрёпанную обложку дневника.

— Вы когда-нибудь слышали имя Юстрица?

Чашка замерла в руках старушки.

На мгновение мне показалось, что она не расслышала вопроса. Вера Петровна смотрела на меня неподвижно, а её пальцы всё сильнее сжимали фарфоровую ручку.

— Что ты сказала?

— Юстрица, — повторила я. — Я нашла это имя в бабушкином дневнике.

Чашка выскользнула из её рук. Фарфор с оглушительным грохотом ударился о пол и разлетелся на десятки осколков. Горячий чай растёкся по половицам, забрызгав мои кроссовки.

Я вздрогнула, но Вера Петровна словно ничего не заметила. Её лицо стало мертвенно-бледным.

— Откуда… — прошептала она. — Откуда ты знаешь это имя?

— Я же сказала. Нашла запись в дневнике.

Старушка медленно подняла на меня глаза. В её взгляде не было удивления. Только страх – такой сильный, что на мгновение мне показалось, будто она увидела не меня, а нечто стоящее за моей спиной.

Но затем её взгляд опустился. Медленно и настороженно прямо на мою шею.

Я машинально коснулась серебряного кулона, который носила с самого детства.

Он представлял собой сложный узел из тонких переплетённых линий. Бабушка подарила его мне, когда я была совсем маленькой, и с тех пор я практически не снимала украшение. Она всегда говорила, что кулон приносит удачу.

Я никогда не придавала этим словам значения.

— Она оставила его тебе? — спросила Вера Петровна.

Её голос стал едва слышным.

— Да. Бабушка подарила. А что?

Старушка отступила от стола. Её взгляд не отрывался от серебра.

— Сними.

Я нахмурилась.

— Что?

— Сними кулон, Елена.

Теперь в её голосе звучала паника. Она протянула ко мне руку, словно собиралась сама сорвать украшение, но остановилась на полпути. Пальцы задрожали, и женщина поспешно

прижала ладонь к груди.

— Немедленно. Слышишь? Сними его!

Я невольно сжала кулон.

— Да объясните вы наконец, что происходит!

Вера Петровна отступила ещё на шаг.

— Ты не понимаешь…

— Тогда объясните! Сначала вы пугаетесь одного имени, теперь требуете снять украшение. Что с ним не так? Почему бабушка оставила мне дневник с какими-то запретами?

Я сама удивилась тому, как резко прозвучал мой голос.

Страх постепенно уступал место раздражению. Я устала от недомолвок, от загадок, от ощущения, что все вокруг знают какую-то страшную правду, а я одна остаюсь в неведении.

Мне нужны были объяснения, не новые предупреждения.

Вера Петровна отвернулась к окну.

За мутным стеклом светило бледное октябрьское солнце. Снаружи всё выглядело спокойно: неподвижные ветви сирени, покосившийся забор, старый колодец в углу участка.

— Твоя бабушка последние годы молилась только об одном, — произнесла старушка. — Чтобы ты никогда сюда не вернулась.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Почему?

Она не ответила.

— Вера Петровна, почему?

Старушка упёрлась ладонями в подоконник. Её плечи бы-

ли напряжены, а голова слегка наклонена, словно она прислушивалась к чему-то за стеной.

Я уже собиралась повторить вопрос, когда она заговорила:

— Юстрица приходит осенью. Каждый год. Когда лес начинает засыпать.

— Вы сейчас серьёзно?

Я попыталась усмехнуться, но улыбка вышла натянутой.

— Вы действительно верите в деревенские страшилки? В духов, которые стучат в окна?

Вера Петровна повернулась ко мне.

— Я её видела, Лена.

Сказано это было совершенно спокойно.

Без дрожи, без театрального надрыва. Так говорят о том, что давно стало частью жизни и с чем человек уже смирился.

От этого мне стало ещё страшнее.

— Что она такое? — спросила я.

— Не что, — поправила старушка. — А кто.

— Человек?

Вера Петровна медленно покачала головой.

— Когда-то, может быть.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— И чего она хочет?

Старушка посмотрела на мой кулон.

— Забирает тех, кто отвечает ей на стук.

Я вспомнила ночные удары в стенку шкафчика. И семь ударов в оконное стекло.

— А если не открывать дверь? — спросила я. — Если просто не обращать внимания?

Вера Петровна перекрестилась.

— Тогда она начинает звать.

— Кого?

— Тебя.

— По имени?

— Сначала по имени. Потом голосами тех, кого ты любила. Она знает, как они говорили, как смеялись, какие слова произносили, когда хотели тебя утешить. Она будет звать так долго, пока ты не поверишь, что за дверью действительно стоит кто-то родной.

— А если ответить? — спросила я.

Вера Петровна закрыла глаза.

— Тогда она узнает, что ты её слышишь.

— И что произойдёт?

— Не знаю.

Я уставилась на неё.

— Как это – не знаете?

— Потому что никто из тех, кто отвечал ей, не вернулся, чтобы рассказать.

Слова повисли между нами.

Мне хотелось встать и уйти. Хотелось забыть этот разговор, выбросить дневник, сорвать кулон и немедленно уехать в город.

Но одна мысль не давала мне покоя.

— Вы сказали, что видели её. Когда?

Вера Петровна долго молчала. Затем медленно опустилась на стул.

— Очень давно. Ещё до того, как родилась твоя мама.

— И как она выглядит?

Старушка подняла на меня глаза.

— Ты ведь уже видела её, Лена.

У меня похолодело внутри.

— Что?

— Ты была маленькой. Потерялась в лесу. Тебя искали всю ночь, а нашли только на следующий день.

Я почувствовала, как комната словно накренилась.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я тоже участвовала в поисках.

— Но мне говорили, что меня нашли у старого ручья.

— Так и было.

— Тогда при чём здесь Юстрица?

Вера Петровна сжала руки на коленях.

— Потому что, когда тебя нашли, ты была не одна.

Я не могла пошевелиться.

— Что вы хотите сказать?

Старушка посмотрела в окно.

— Рядом с тобой стояла девочка в белом платье.

Мне показалось, что воздух исчез из комнаты.

Я вспомнила детский лес. Мокрую траву. Холодные стволы деревьев. Бледную фигуру между ними. И собственный

голос, который однажды позвал меня из темноты.

Я резко поднялась. Стул с грохотом отъехал назад.

— Нет. Нет, этого не может быть. Мне было шесть лет. Я ничего не помню!

— Вот именно, — тихо сказала Вера Петровна. — Не помнишь.

Я схватила её за рукав.

— Что со мной случилось? Что произошло в лесу?

Старушка вздрогнула и высвободила руку.

— Не трогай меня.

— Пожалуйста! Вы должны знать!

— Я знаю только то, что твоя бабушка сумела вернуть тебя домой. И что после этого она сделала всё, чтобы ты больше никогда не оказалась здесь.

— Но почему?

Старушка не ответила. Её молчание оказалось страшнее любых слов.

Я пыталась расспрашивать её ещё почти час.

Спрашивала, почему Юстрица приходит именно осенью, что означает серебряный кулон, зачем бабушка записала правила в дневнике и почему мама так боится этого дома.

Вера Петровна лишь качала головой.

Постепенно её страх сменился какой-то тяжёлой, упрямой решимостью. Она поднялась, начала собирать осколки чашки и больше не смотрела мне в глаза.

— Вам нужно отдохнуть, — наконец произнесла она. —

И мне тоже.

— Но я ещё не всё спросила!

— Уходи, Лена.

— Вы не можете просто выставить меня за дверь после всего, что рассказали!

Она резко обернулась.

— Могу. И выставлю.

В её голосе прозвучала такая непреклонность, что я невольно замолчала.

Старушка подошла к входной двери и распахнула её. Холодный воздух ворвался в дом.

— Иди к себе. И запомни: после заката не открывай дверь. Кому бы ты ни услышала снаружи. Что бы тебе ни говорили. Даже если голос покажется знакомым.

Я медленно вышла на крыльцо.

— А кулон?

Вера Петровна посмотрела на серебро у меня на груди. На мгновение её лицо исказилось от ужаса.

— Пока не снимай.

— Но вы же сами…

— Я сказала, пока не снимай!

Она резко захлопнула дверь. С той стороны щёлкнул засов. Я осталась стоять на крыльце, глядя на потемневшую древесину. Тяжело вздохнув, я спустилась по ступенькам и направилась к калитке.

Обратную дорогу я помню плохо.

В голове крутились слова Веры Петровны, а пальцы то и дело касались кулона, словно мне нужно было убедиться, что он всё ещё на месте.

Я пыталась вспомнить своё детство.

Не отдельные обрывки, не белое платье и тёмные деревья, а весь тот день целиком.

Мне хотелось понять, что именно произошло в лесу двадцать лет назад. И чем настойчивее я пыталась восстановить воспоминания, тем отчётливее всплывали детали, о которых я давно забыла.

Каждую осень бабушка менялась.

Летом она позволяла мне играть во дворе, бегать по тропинкам и собирать ягоды у лесной опушки. Но стоило солнцу начать садиться, как она немедленно звала меня в дом.

Иногда даже кричала.

Она запирала входную дверь, проверяла щеколды, задёргивала шторы и заставляла меня отходить от окон.

— Не стой у стекла, Лена.

— Почему?

— Потому что я так сказала.

Я помнила, как однажды попыталась выглянуть наружу, чтобы увидеть, кто ходит по дорожке за забором. Бабушка подлетела ко мне так стремительно, что я испугалась и выронила игрушку.

Она схватила меня за руку и оттащила от окна.

— Никогда не смотри на того, кто зовёт тебя из леса после

заката. Никогда!

Тогда я решила, что бабушка боится темноты. Теперь я понимала, что боялась не её. А того, кто мог скрываться в ней.

Я остановилась посреди дороги.

Впереди показался наш дом. За ним, словно чёрная стена, возвышался лес. День постепенно клонился к вечеру. Между деревьями сгущались тени, а последние солнечные лучи цеплялись за верхушки берёз.

Я посмотрела на окна. Они отражали тусклое небо.

И вдруг мне показалось, что в одном из них стоит девочка. Бледное лицо. Длинные волосы. Белое платье. Она смотрела прямо на меня.

Моргнув пару раз, окно оказалось пустым.

Войдя в дом, я заперла дверь, задвинула засов и проверила все окна. Затем зажгла лампу, положила дневник на стол и раскрыла его.

Мне нужно было узнать больше. Я больше не могла позволить себе оставаться в неведении. Но прежде чем начать читать, я заметила, что серебряный кулон стал тёплым. Не чуть теплее кожи. Он был горячим, словно несколько минут пролежал у огня.

Я осторожно сняла его с шеи и положила на ладонь. Витиеватый узел тускло блеснул в свете лампы. Между переплетёнными линиями проступила тонкая тёмная трещина, которой раньше не было.

Я наклонилась ближе. Внутри серебряного узора что-то шевельнулось. Совсем немного. Как будто под металлом билось крошечное живое сердце.

Я отдёрнула руку, и кулон упал на стол. В ту же секунду за входной дверью раздались три удара.

Я перестала дышать. А затем услышала голос бабушки.

— Леночка, открой. Это я.

Я вцепилась в край стола.

Голос за дверью был совершенно настоящим. Я слышала каждую интонацию, каждую знакомую нотку, каждую мягкую паузу, которую помнила с детства.

— Леночка, солнышко, — снова позвала бабушка. — Я замёрзла. Пусти меня домой.

Я закрыла рот ладонью. За дверью тихо вздохнули, а затем голос произнёс:

— Я знаю, что ты там. И я знаю, что ты помнишь меня.

Глава 3

5 октября

Сегодня я слышала маму.

Она стояла прямо за тонкой, иссохшей межкомнатной дверью бабушкиной спальни. В этой глухой комнате я теперь пряталась от темноты, которая в старом доме казалась плотной, почти осязаемой. Здесь пахло пылью, сухими травами и чем-то затхлым, давно поселившимся в древесине.

— Леночка, открой.

Голос прозвучал в ночной тишине так близко, словно между нами не было даже этой хлипкой двери.

Я подскочила на матрасе, едва не вскрикнув. Пружины жалобно звякнули подо мной, и этот звук показался оглушительным. Заставив себя дышать медленно, хотя лёгкие будто стянуло невидимой верёвкой. Мой рассудок, привыкший раскладывать любой хаос на факты и причинно-следственные связи, лихорадочно выстраивал доводы.

Мама осталась в городе. До деревни отсюда не меньше четырёх часов по разбитой осенними дождями дороге. Она боится ночных поездок и ни за что не отправилась бы сюда в такую погоду, тем более без предупреждения.

Она не могла стоять за этой дверью.

Но голос… Голос был её. До тошноты, до подкожного дрожания точный. Те же мягкие интонации, слегка простужен-

ный грудной тембр, привычка едва заметно растягивать гласные в конце фраз. Я могла бы поклясться, что слышу маму всего в нескольких шагах от себя.

— Леночка, мне так холодно. Пожалуйста.

По спине пробежала ледяная волна. Я поджала ноги, обхватила колени руками и замерла на кровати, боясь даже сглотнуть. Взгляд намертво прилип к чёрной точке замочной скважины.

Снаружи методично падали капли дождя. Я цеплялась за этот звук, словно за последнюю ниточку, связывающую меня с нормальным миром.

— Ты меня слышишь? — спросила мама.

В её голосе появились странные, капризно растянутые нотки. Словно кто-то, никогда прежде не говоривший по-человечески, старательно воспроизводил знакомую речь, но не до конца понимал, как устроены слова.

— Лена.

Я судорожно сжала в кулаке серебряный кулон. Острые грани старинного узора больно впились в ладонь. Эта боль помогала не забывать, где я нахожусь и почему не должна открывать дверь.

Собственное сердцебиение грохотало так сильно, что мне казалось, его слышно во всём доме. Я была уверена: существо за дверью тоже его слышит.

Оно ждёт.

— Открой дверь.

Я зажмурилась и прижала ладони к ушам. Хотелось спрятаться не просто от голоса – от самого знания, что он существует. Но звук никуда не исчезал. Он проникал сквозь пальцы, просачивался в сознание, цеплялся за воспоминания.

И тогда я вспомнила бабушку.

Мне было лет семь. Я сидела на её кухне, болтая ногами под столом. Старый абажур заливал клеёнку тёплым жёлтым светом, а за окном стремительно сгущались сизые осенние сумерки.

Бабушка в тот вечер вела себя странно.

Она несколько раз подходила к окну, выглядывала в щель между занавесками, а потом с непривычным ожесточением задёрнула тяжёлые ночные шторы. Ткань глухо скользнула по карнизу, отрезая кухню от двора и подступавшего к самому забору леса.

— Бабуль, а почему нельзя смотреть в окно, когда темно? — спросила я. — Там же никого нет.

Она обернулась.

Свет лампы падал снизу, делая её лицо почти белым. На мгновение мне показалось, что я смотрю на незнакомую старуху, а не на человека, который каждое утро заплетал мне косички и тайком давал конфеты перед обедом.

— Потому что, Леночка, — тихо ответила она, отчеканивая каждое слово, — когда ты долго смотришь в тёмный лес, лес начинает пристально смотреть в тебя.

Я рассмеялась. Тогда мне это показалось очередной дере-

венской страшилкой, которыми взрослые пугают детей, чтобы те не убегали далеко от дома.

Бабушка не улыбнулась.

Она подошла ко мне, опустилась на корточки и крепко взяла меня за плечи. Её сухие пальцы впились в кожу сильнее, чем следовало.

— Пообещай мне, внучка. Прямо сейчас.

Я перестала смеяться.

— Что?

— Если однажды ночью ты услышишь мой голос со стороны леса или двора, не иди на него. Не смей даже отзываться. Поняла?

— Почему? — испуганно спросила я.

Бабушка долго смотрела мне в глаза. В её взгляде было что-то такое, чего я тогда не могла понять. Не просто страх. Скорее отчаяние человека, который знает о беде больше, чем способен рассказать.

— Потому что это буду не я.

Я давно забыла тот разговор. Городская жизнь вытеснила его, отправила в самые дальние уголки памяти, где хранились детские кошмары, нелепые суеверия и вещи, о которых неприятно вспоминать.

До сегодняшней ночи.

— Ну же, Леночка, — снова позвала мама из коридора. — Мне тяжело стоять. Пожалей маму.

Я открыла глаза.

Дверь была на месте. Ручка неподвижна. В узкой щели под порогом не виднелось ни света, ни тени.

Я должна была остаться на кровати.

Должна была помнить предупреждения Веры Петровны, бабушкины записи, правила, которые теперь казались единственным, что отделяло меня от смерти.

Но вместо этого я медленно спустила ноги на пол.

Не знаю, что заставило меня двигаться. Любопытство? Страх за маму? Или нечто, чему я пока не могла подобрать названия. Я будто наблюдала за собой со стороны: вот я встаю, вот делаю шаг, другой, вот босые ступни касаются ледяных половиц.

Я не хотела идти. И всё же шла.

В комнате пахло старой хвоей и гниющим деревом. С каждым шагом запах становился сильнее, словно где-то поблизости лежала куча мокрых лесных листьев, под которыми уже начала разлагаться земля.

Я остановилась перед дверью. Металлическая ручка тускло блеснула в темноте. Я вытянула руку. Пальцы дрожали, но продолжали двигаться вперёд. Ещё немного – и я коснусь холодного металла.

И тут в голове прозвучал голос Веры Петровны.

«Забирает тех, кто отвечает ей».

Следом всплыли строки из бабушкиного дневника.

«Не отвечай, если услышишь своё имя».

«Никогда не произноси её имя после заката».

Юстрица.

Болотная жуть, принимающая чужие обличья. Существо, которое приходит осенью, когда лес затихает и готовится к зиме. Оно зовёт голосами тех, кого мы любим, потому что знает: иногда одного знакомого слова достаточно, чтобы человек забыл обо всех предостережениях.

Моя рука замерла в миллиметре от ручки.

Я не должна была открывать. Я не должна была отвечать.

Медленно, с огромным усилием, я опустила руку вдоль тела.

В тот же миг голос за дверью оборвался.

Наступила тишина. А потом существо заговорило снова.

— Внучка…

Голос изменился так резко, что у меня подкосились колени. Мамины мягкие интонации исчезли. Вместо них прозвучал низкий мужской голос с хрипотцой и знакомым свистящим придыханием.

Голос дедушки.

— Внучка, что же ты деда на пороге держишь? Ох, кости-то как ломит…

Я зажала рот обеими руками. Горячие слёзы потекли по щекам, хотя кожа казалась ледяной.

Дедушка умер, когда мне едва исполнилось девять. Просто не проснулся январским утром. Врачи сказали, что сердце остановилось во сне. Он ушёл легко, без мучений, и я долго верила, что ему повезло умереть именно так.

Я помнила его руки, широкие и тёплые. Помнила, как он поднимал меня на плечи, как смеялся, когда я пыталась стащить с него шерстяную шапку, и как называл меня своей маленькой разбойницей.

— Внучка, открой мне. Холодно тут. Пусти погреться.

Я замотала головой, словно он мог увидеть меня сквозь дверь.

Нет. Это не дедушка. Дедушка никогда не стоял бы ночью за запертой дверью и не просил бы впустить его голосом, от которого стыла кровь.

Но существо знало, что сказать. Оно знало, кого я потеряла. И, кажется, понимало, насколько сильно я хотела бы услышать его снова.

— Я так соскучился по тебе, Леночка.

Я зажмурилась. И вдруг вспомнила его запах. Дешёвый табак «Ява», холодный воздух, который он приносил с улицы, и старый шерстяной свитер, коловший мне щёку, когда дедушка обнимал меня при встрече.

Воспоминание оказалось настолько ярким, что на мгновение я перестала чувствовать страх. Перед внутренним взором возникла его улыбка, знакомые морщинки у глаз, седые волосы, торчащие из-под шапки.

Мне захотелось распахнуть дверь.

Всего на секунду я позволила себе поверить, что там действительно он. Что всё это нелепая ошибка, дурной сон, а за порогом стоит мой дедушка, который замёрз и хочет вер-

нуться домой.

Я даже сделала крошечный шаг вперёд.

А потом поняла, что не помню, когда дедушка в последний раз называл меня Леночкой.

Он всегда говорил «Ленуська». Никогда – «Леночка». Мелочь. Совершенно незначительная мелочь. Но именно она вернула меня к действительности.

— Открой, — приказал голос.

Теперь это был уже не дедушка. Не мама. Голос звучал ровно, холодно и безжизненно. Он был моим. Мой тембр. Моя манера произносить согласные. Даже едва заметная сухость в конце фразы, которая появлялась, когда я уставала или злилась.

Из коридора на меня смотрела моя собственная речь, лишённая всего человеческого.

— Открой дверь, — повторил мой голос. — Ты ведь знаешь, что я здесь.

Я оцепенела.

Существо больше не пыталось казаться мамой или дедушкой. Оно словно отбросило ненужные маски и решило воспользоваться последним, самым точным сходством.

Мной самой.

В этот момент я поняла, что боюсь не только того, что оно может сделать со мной. Я боялась, что однажды перестану отличать его от себя.

И тогда двинулась ручка. Медленно, почти бесшумно, она

опустилась вниз.

Я перестала дышать.

Латунный механизм скрипнул, словно внутри него провернулся заржавевший винт. Дверь едва заметно натянулась на петлях. Старый засов дрогнул, но удержал её. Кто-то пытался открыть дверь снаружи.

Я вцепилась в кулон так крепко, что серебряный узелок оставил на ладони глубокий след.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем ручка с тихим щелчком вернулась в исходное положение. Дверь осталась закрытой. И вслед за ней наступила тишина.

Не обычная ночная тишина, в которой слышны дождь, ветер и скрип старого дома. Это было нечто другое – пустота, из которой исчезли все звуки. Даже дождь, казалось, перестал идти.

Я стояла неподвижно, не в силах поверить, что всё закончилось.

Потом, пошатываясь, добралась до кровати, забралась под тяжёлое ватное одеяло и свернулась калачиком. Я натянула его на голову и прижала колени к груди, стараясь занимать как можно меньше места. Мне казалось, что стоит пошевелиться, открыть глаза или хотя бы пошевелить пальцем, как существо снова заговорит.

Я не спала. Я ждала.

Так прошло несколько часов. Иногда мне чудилось, что рядом с кроватью кто-то стоит. Иногда я чувствовала на ли-

це холодное дыхание. Один раз мне показалось, что одеяло медленно проседает у ног, словно кто-то осторожно присел на край матраса.

Я не проверяла, не поворачивалась и не произнесла ни слова.

И только когда за шторами посерело небо, я наконец решилась выбраться из-под одеяла.

Сейчас уже день. Я сижу за столом и записываю всё это в дневник, потому что боюсь забыть хоть одну подробность. Боюсь, что завтра мой рассудок начнёт убеждать меня, будто я всё придумала, будто это был кошмар, вызванный усталостью и страхом.

Но я знаю, что слышала.

И до сих пор не могу понять одного.

Если Юстрице нужно, чтобы человек сам открыл дверь и впустил её, зачем она пыталась открыть засов снаружи?Зачем звала меня голосами близких, если могла просто войти? И почему в какой-то момент мне показалось, что голос звучит не из коридора, а прямо у меня за спиной?

Я старалась не думать об этом, пока не почувствовала холод под ступнями. Сначала решила, что на полу скопилась ночная сырость. Старые доски всегда казались ледяными, особенно в дождливую погоду. Но стоило мне опустить взгляд, как я застыла.

На половицах темнели мокрые следы босых ног. Грязные, отчётливые отпечатки с длинными, неестественно узкими

пальцами. Между ними блестели крошечные капли воды. От следов тянуло болотной тиной и прелыми листьями – тем самым запахом, который я чувствовала ночью возле двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.